

Третьякова Ася

Родилась в 1918 году в городе Минске в Белоруссии в рабочей семье. Отец, Казакевич Моисей Ерохмеевич, был по специальности военным портным и работал в воинской части. Мама работала портнихой-модельером и обслуживала артистов оперного театра в Минске.

В семье было шестеро детей. Когда началась война, мой старший брат, 1914 года рождения, был кадровым военным в чине майора, а два брата-близнеца служили в армии. Нас было 3 сестры. Остались мы с родителями. Минск стали бомбить в первые дни войны, и мы с маленькими детьми ушли из дома, но ушли в какую-то деревню и вернулись домой, ибо нас остановили немцы.

Они гнали нас обратно, благо нашу квартиру охраняли соседи.

В июне был взят Минск, и в августе 1941 года немцы стали выгонять всех евреев и согнали в гетто.

В августе был первый погром, в котором был убит отец, в феврале 1942 года в душегубке была удушена моя сестра, 1916 года рождения, с двумя детьми — 5 и 2 лет.

2 марта 1942 года в страшном погроме была расстреляна моя мама, и прах ее покоится в так называемой «яме», а это была действительно яма, в которую сливали фекалии из туалетов и все отходы: краску, обои и всякое дерьмо, ибо напротив «ямы» находилась обойная фабрика.

Я, чудом уцелевшая в этом страшном погроме 2 марта 1942, была с 3-летним сыном. Мы были спрятаны в погребе, заваленном мусором, и к вечеру, когда кончился этот кошмар, выжившие наши родственники вытащили нас из этого погреба. Жили мы рядом с этой «ямой». Из ямы раздавались крики и стоны недострелянных людей. Уже была ночь, и некоторые из этой ямы спаслись, ибо она еще была не закопана. Я жила по чужому паспорту, который принесла мне в гетто, пока оно еще не было окружено колючей проволокой, наша соседка, с которой мы жили долгие годы дружно. Паспорт был ее убитой дочери, к сожалению, их уже давно нет в живых. Этот паспорт практически спас мне жизнь.

Я родилась блондинкой, и мой сын был блондином, мы прекрасно знали русский и белорусский язык. А для немцев это было главным фактором: блондин — значит не «юда».

После страшного погрома 2 марта 1942 года я с помощью родственников решила совершить побег, имея русский паспорт. 22 июня 1942 года мой дядя со своим братом шли в рабочей колонне на работу без конвоя. Они специально шли в последнем ряду, сняли чуть пристегнутые желтые «леты» и пошли на встречу с довоенной подругой Людмилы Магуленко, которая жила до войны в районе гетто.

Там нас прятали сутки в сарае, а на утро следующего дня меня проводили за город, где можно было дойти до белорусских деревень. Наконец, с мозолями на

ногах, уставшие и измученные, добрались до поля, на котором работали женщины и дети. Мужчин не было. Мы к ним подошли, они спросили, кто мы и откуда, я сказала, что в городе дом сгорел от бомбежки.

Они мне предложили остаться работать, и я, конечно же, сразу согласилась. Они нас накормили. Там я пасла коров, убирала на полях урожай, делала возможное и невозможное для женщины, лишь бы я смогла спасти от голода сына, хотя у них самих было не густо. Но жила под постоянным страхом, сын, как увидит немца, сразу начинал плакать, а это было очень страшно.

И так я работала в деревне до апреля 1944 года и работала бы дальше. Но вдруг в один из дней апреля 1944 года немцы окружили деревню и всех без исключения, и взрослых и детей, погрузили в товарные вагоны, устланные соломой. Мы думали, что нас везут на расстрел, а нас увезли в Германию на принудительные работы. Если бы немцы знали, что везут в Германию женщину-еврейку и еще с сыном, можно себе представить, какую расправу над нами устроили.

Нас привезли в Германию. В этот же день пригнали ночью в деревню, где была фабрика. Там из боксита (такой песок) плавился металл. Жара невыносимая, разгружали вагоны с бокситом, отделяли железо от песка. Об окончании войны мы узнали рано утром на этой же фабрике, и 22 апреля 1945 года были освобождены союзными войсками. После этого мы были переданы советским властям, и 1 сентября 1945 года нас увезли на родину, в Минск.

До приезда из Германии оставшиеся в живых родственники и друзья считали нас погибшими.

